

Гранкина Е. В.

Специфика материнско-дочерних отношений в рассказе Д. К. Оутс «Мама-смерть» (Вопросы языка и литературы в современных исследованиях: материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские чтения», Москва, 18-19 мая 2010 г. / Гос. инс-т русск. яз. им. А. С. Пушкина; редкол.: Ю. Е. Прохоров [и др.]. – Москва – Ярославль: Ремдер, 2010. – С. 543 – 548.)

Теме материнства в современной художественной литературе уделяется особое внимание. В значительной степени это инициировано развитием феминистского движения, внутри которого существуют различные подходы к оценке данного статуса женщины, активно обсуждаются проблемы материнства в свете общественных отношений.

Актуальность указанной темы в американской культуре подтверждается наличием большого количества произведений теоретического и художественного плана, посвященных исследованию взаимоотношений, в частности, мать-дочь. Так, например, в труде Нэнси Фридэй исследуется бинарная пара мать/дочь, показаны пути дочери к самоопределению, поиски возможностей стать самостоятельной, независимой личностью [5].

Классик теории феминизма Бетти Фриден в работе «Загадка женственности» предлагала женщине поменять традиционно-патриархальный взгляд на материнство, обратившись от ребенка к себе, поскольку полагала, что чрезмерная материнская забота способна изуродовать не только формирующуюся личность ребенка, но и личность самой женщины-«мамочки», плененной рутинностью быта, не имеющей иных путей самовыражения, кроме постоянного подчинения себя, своей жизни дому, детям, мужу [4].

Сложный конфликт между матерями и дочерьми из китайско-

американских семей изображает писательница Эми Тан в романе «Клуб радости и удачи». Образы мужей и отцов занимают в повествовании второстепенное место, главное – мать и дочь, узлы, которые в китайской культуре никогда не смогут прерваться [3].

По-иному раскрывается образ матери в произведениях Джамейки Кинкейд, родившейся на острове Карибского региона Антигуа, для которой одной из причин эмиграции в Нью-Йорк явилось стремление освободиться от власти авторитарной матери. В повести «Люси» автобиографический опыт писательницы становится материалом для анализа амбивалентного характера репрезентаций материнства [1]. Доминант для матери Люси – сыновья, от дочери же она полна желания избавиться. Мать стремится контролировать дочь, подчинить себе, сделать своим отражением, что вызывает яростный протест Люси, бегущей из родного дома.

В данной статье мы ставим перед собой задачу изучить специфику материнско-дочерних отношений в рассказе «Мама-смерть» классика американской литературы Джойс Кэрол Оутс, которая своим творчеством откликается на все острейшие проблемы современности.

Уже название произведения – «Мама-смерть» – провоцирует на предположение об однозначном видении писательницей образа матери [2, с. 11-51]. Однако эта мысль ошибочна, поскольку содержание рассказа многопланово: образ матери – это не только разрушающий, но и созидающий образ, помогающий героине восстановить нарушенную идентичность.

Тема повествования – путь дочери к себе через освобождение от влияния матери, нахождение гармонии с собой, принятие себя и соглашения со своим предшествующим опытом.

Спокойную и счастливую студенческую жизнь Дженетт Харт нарушает приезд к ней матери, с которой девушка не виделась семь лет. Неожиданное и, на первый взгляд, не ожидаемое появление миссис Харт взрывает жизнь дочери.

Мать сразу психологически подавляет Дженетт, разрушает устоявшееся восприятие реальности – то, что было для девушки приятным и своим становится отталкивающим и чужим. Так, до появления матери Дженетт очень любила профессора Рейтера: в тот момент, когда он играл на фортепиано, «ей казалось, что перед ней раскрывается сама душа музыки» [2, с. 29]. Но находящаяся в зале для занятий музыкой мать меняет отношение дочери к нему: «Какими вымученными, надуманными, фальшиво драматичными казались сегодня Дженетт все объяснения Рейтера!» [2, с. 30]. В восприятии девушки меняются не только люди – преподаватели, друзья («дурачки ребячливыми, эгоцентричными и малопривлекательными казались Дженетт ее товарищи по колледжу» [2, с. 34]) – но и предметы, сама жизнь: лужайка кампуса, своя собственная комната.

Неприятие дочерью матери выражено на нескольких уровнях. Дженетт отталкивает внешний вид матери: «На ней было пальто..., правда, немного испачканное и измятое, в давно вышедшем из моды женственном стиле» [2, с. 18]. «А какая странная обувь, была на миссис Харт! ...Дешевенькие туфли-лодочки... с дурачки заостренными носами. А на одном бежевом нейлоновом чулке спустилась петля» [2, с. 21]. Дженетт неприятно поведение матери: «Она откашлялась, издавая противные, скрипучие звуки, и Джинни в панике подумала: сейчас сплюнет, сейчас выплюнет, но этого не случилось. Она, должно быть, проглотила это, и как ни в чем не бывало улыбалась...» [2, с. 20]. Д. К. Оутс показывает дистанцирование дочери от матери и на уровне запаха, обоняния: «Дженетт начал преследовать острый, немного кисловатый и неприятный запах... То был запах, исходивший от матери. От ее волос, одежды» [2, с. 25]. «...Этот ее запах – она неделями не принимала ванны, не мыло голову. Какой-то звериный запах» [2, с. 22]. Для дочери характерно отрицание матери на тактильном уровне: мать «все время трогала Дженетт за руку; Дженетт всякий раз слегка вздрагивала при этом» [2, с. 23]. Этот

приобретенный инстинкт сопротивления прикосновению и связанные с ним ожидания боли и страдания проецируются на отношения Дженнет с мужчинами: «Дженетт уже были знакомы и другие прикосновения – мужчин. И постоянно одна и та же реакция на это – легкая паника. Она передергивается, все существо ее кричит: Не трогайте меня! Не делайте мне больно! И одновременно: Пожалуйста, прикоснись ко мне, держи меня крепче, я так одинока, я люблю тебя» [2, с. 24].

Причины такого поведения Дженетт кроются в прошлом, в детстве девушки. Авторское повествование имплицировано с воспоминаниями Дженетт о событиях ноября 1949 года, когда мать пыталась устроить автомобильную аварию, чтобы убить себя и Джинни: «Ты должна умереть вместе с матерью, так она говорила. Я твоя мать, я твоя мать, я твоя мать... Ты моя девочка, моя дочь, моя малышка, они не смеют отбирать тебя у меня. ...Мы должны умереть вместе» [2, с. 22-23]. После того как полиция остановила автомобиль матери и девочка была спасена, миссис Харт отправили на лечение в психиатрическую клинику, т.е. физически Дженетт была освобождена от матери, но травма, боль, зависимость на психологическом уровне остались.

Внутренний голос Дженетт убеждает нас в ущербности позиции девушки. То, что она маркировала для себя как успешность и благополучие, в действительности оказалось некой раковиной, в которой Дженетт прячет свой опыт детства и себя самую: «Вот почему ей никогда не хотелось оставаться наедине с другой девочкой. К примеру, соседкой по комнате в общежитии. Надо соблюдать осторожность. Можно заплакать, ...наговорить лишнего. Раскрыться, довериться, отдать всю себя без остатка и не получить в ответ и тени любви – вот что самое страшное» [2, с. 34].

«Я» Дженетт, ее субъективность проявляются только в негативных воспоминаниях детства. До поступления в колледж девушка училась в школе в Порт-Орискани, где она была «совсем другой девочкой», сторающей от стыда в

душевой после физкультуры: ей «хотелось крикнуть: Не смотрите на меня! Я уродина, я не такая, как вы!» [2, с. 26]. Но именно там она была собой – «там, где ты известна, ты есть ты» [2, с. 26]. Много лет назад у озера Орискани мать, отлучившись с каким-то мужчиной «на минутку» [2, с. 33] оставила двух своих дочерей – Дженетт и Мэри – дожидаться ее возле машины. «Но они все не возвращаются, и мы с Мэри начинаем плакать» [2, с. 33]. Подошедшему полицейскому девочки, боясь гнева матери и того, что она «никогда больше не будет катать нас в своей красивой машине, никогда больше не будет любить нас» [2, с. 34], не осмеливаются назвать свой адрес. Но потом Дженетт все-таки назвала его – «...я сказала, ведь я была старшая из двух сестер, я всегда была старше, *я, Дженетт*» [2, с. 34].

Д. К. Оутс показывает, что линия идентификаций Дженетт нарушена ее неспособностью примирить опыт прошлого с настоящим, совместить две составляющие своей жизни, которую Дженетт сознательно разделила на «до» и «после»: «до» – это все, что случилось до убийства матерью Мэри (о чем мы узнаем только на уровне предположений Дженетт, которым она боится придать фактический статус) и попыткой убить себя и Дженетт. «После» – это после заключения матери в клинику, после женитьбы отца на другой женщине, «милой, славной, щедрой, так и излучавшей доброту и материнство» [2, с. 28], но казавшейся Дженетт «какой-то нереальной» [2, с. 28], после поступления девушки в колледж в Наутага.

Рассказ «Мама-смерть» – это рассказ об ошибке дочери в выстраивании своей жизни через ориентацию на Другого, на мать, через стремление во что бы это ни стало измениться, стать другой, обрести свободу от своего предшествующего опыта, перечеркнуть, забыть его («Все, чего я хотела, так это жить. Хотела новой жизни для себя, которая не имела бы ни малейшего отношения к тому, кто я есть и кем когда-то была. Я хотела одного – быть свободной» [2, с. 32]), что, по сути, означает отказ от себя: «Не важно, как

именно, – но я стала совсем другой» [2, с. 14]. Но ситуация перестраивания своей жизни, постоянного внутреннего диалога – спора с матерью – оказывается некомфортной для дочери. Неожиданное появление в колледже матери в действительности было ожидаемым: «Сказывались ...терзающие ее смертельные страхи, и – ...облегчение при мысли, что мать вернулась к ней и ожидание закончилось» [2, с. 40], т.е. автор помещает героиню в такую ситуацию, где она может заявить о себе, представить свою активную позицию. Мать дает возможность дочери стать собой. Для восстановления разрушенной идентичности Дженетт спасительным оказался не внутренний акт сопротивления матери, а внешний отказ от ее требований бросить колледж и уехать из Наутага. Возникающие в рассказе топографический хронотоп, генерированный сюжетом и делящий повествование на ряд пространственно-временных единиц, соответствующих сюжетным ходам, и тесно взаимосвязанный с ним психологический хронотоп, генерированный самосознанием персонажей, при котором сюжетный ход, подчеркнутый на первом уровне перемещением в пространстве и времени, совпадает на втором с переходом из одного душевного состояния в другое, иллюстрируют личностный рост героини: вновь, как в детстве, мать пытается заставить Дженетт сесть в машину и доверить свою жизнь миссис Харт: «Как легко она (Дженетт) может сдаться, уступить, как в детстве, этой женщине, чьи пальцы впиваются в тебя, будто клещи!» [2, с. 51]. Но теперь исход ситуации оказался иным: «Дженетт стояла, упрямо и молча, и лишь мотала головой: нет, нет, нет, пока, наконец, миссис Харт не влезла в машину и не захлопнула дверцу» [2, с. 51].

Таким образом, путь Дженетт, показанный в рассказе Д. К. Оутс, – это путь дочери к свободе, к свободе быть собой, принимать себя со всем своим предыдущим опытом вне зависимости от его эмоциональной окраски.

Название рассказа «Мама-смерть», несомненно, акцентирует внимание на важности проблемы взаимоотношений мать-дочь, что подтверждает развитие

темы в других произведениях писательницы. В рассказе «Кукла-варежка» [2, с. 52-71] показана судьба женщины, матери, после рождения ребенка не нашедшей гармонии с собой, со своим телом («это мое тело, это не я; я заперта в нем, как в ловушке» [2, с. 65]) и покончившей жизнь самоубийством, совершив таким образом символическое возвращение к себе – «точно душа с каждым шагом возвращалась домой, в тело!» [2, с. 71]. Для героини рассказа Лорейн «роды – это совсем не дар, это когда у тебя отбирают. Младенец – ...сосуд насилия, жаркой невыносимой ярости» [2, с. 64-65], т.е. Д. К. Оутс рассматривает материнство не только как психологическую, но и как физическую проблему, переживаемую женщиной-матерью.

Таким образом, Д.К. Оутс исследует проблему, которая в последние десятилетия приобрела этическую и общественную значимость: проблему разрушения семейных отношений, и в особенности линии мать-дочь. По мнению писательницы, корни проблемы непонимания и отчужденности внутри семьи обусловлены не только неспособностью членов семьи понять друг друга, но и психологической несвободой, в частности, зависимостью дочери от мнения матери, выстраиванием своих идентификационных стратегий путем принятия чужих жизненных ценностей и приоритетов.

Литература:

1. Кинкейд, Дж. Люси // Иностранная литература. – 2003. – № 1. – С. 3-61.
2. Оутс, Д. К. Коллекционер сердец, рассказы. – М.: АСТ, 2004. – 445 с.
3. Тан, Э. Клуб радости и удачи. – М.: Амфора, 2007. – 414 с.
4. Фриден, Б. Загадка женственности. – М.: Прогресс, 1993. – 496 с.
5. Friday, N. My Mother/Myself. The Daughter's search for Identity. – Collins, 1977. – 470 p.